

Сергей Градировский

член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, руководитель проектных работ «Программы подготовки высшего уровня резерва управленческих кадров» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

SOLO ЛЮТЕРА

Часть первая: sola Scriptura

В начале XVI века монах августинского ордена по имени Мартин Лютер, провозгласив ряд solo, изменил историю мира. Он также открыл новую страницу саморефлексии Церкви.

Многие современные аналитики, особенно из лагеря традиционной Церкви, считают эти solo вызывающе резкими. Они говорят, не будь принципы Лютера столь категоричными, и Церковь того времени, и они — нынешние христиане разных конфессий — легко приняли бы эти положения. И действительно, кто не согласится с сугубой важностью веры, благодати, Писания и, тем более, Христа? Но Лютер почему-то предпочел дерзить. То ли потому что это было частью характера реформатора (известно, что наши недостатки суть продолжение наших достоинств), то ли потому, что, не будь принципы Лютера столь категоричными, мало бы кто вообще пришел в чувство. Скорее всего, благодаря своей категоричности Лютер стал символом Реформации. Нужен был вождь. А вождь обязан быть ясным, непоколебимым и категоричным.

Публикуемый текст посвящен первому из solo — SOLA SCRIPTURA.

Si cui saue septuaginta interpretum
magis idino placet: labet ea a nobis
indata. Non tui noua sic tu
hauriam? Et tamen cu
scire: saue magis nra
no in coru uas
de pcedo
sui sapore fer
dole salomonis
salomonis
uid regio ist:
sua sapienti
disciplinā: ad
uelligenda ueba
pudentie et suscipi
dudine: iustia
ur deur paruul
con scientia et iud
sapientia: et iud
ada possidebit. An
et interpretatio
et iugmata toy
sapientie. Sapient
stuli despiciu.
pno nu et ne
ur: ut addatur
corque tollo tuo.
peccore: ne ar
ueni nobiscu
abscondam? tdi
degluna
uener: i iur
tu lacu: omne
implem?
soran mite no
lit unum omniu
ambules cu is. Pro
lenio toy. Pedes
accut: i festinat ur
autem
oculos pematoy. Ipi q
sanguine sui insidiantur: et

Возможна ли ситуация, когда пастор превратится в волка?

Лютер такую ситуацию предполагал. Более того, рассматривал как существующую проблему. Проблему, угрожающую человеку и любимой им Германии.

Мы, перед чьими глазами лежит двухтысячелетняя история Церкви, о таких ситуациях осведомлены во всех исторических и психологических деталях. С данной угрозой сталкивались уже апостолы, о ней предупредил Иисус, предостерегая о волках в овечьей шкуре.

Но как?! Как в алтаре или на церковной кафедре может появиться волк, ведь сказано что «врата ада не одолеют ее». Так и есть, когда речь идет о Церкви как мистическом Телес Христовом. Но служители Церкви, собранные в корпорации веры, далеко не всегда исполняют данное обетование — быть Невестой Христа. И тогда церковь становится сугубо человеческой, *«слишком человеческой»*¹.

Итак, пусть сама мысль об этом чудовищна, но, если такое возможно, то что делать овцам? Как самих себя защитить? И что еще сложнее и тревожней: как себя защитить от пастора-волка в овечьей шкуре?

Лютер дал ответ: С ПОМОЩЬЮ ПИСАНИЯ. Это был принципиальный ответ, из которого вытекало немало важных последствий, и именно этот ответ объяснял многое, в том числе, лютеровскую категоричность.

Писание возникло, хоть Иисус сам ничего не записывал, и записывать не заповедовал.

Лютер и сам подчеркивал приоритет устного слова. И тем не менее, реформатор настоял на сугубой ценности Писания.

Надо понимать, что всякая запись устного слова неизбежно приводит к интерпретации этого слова. Тем более всякое толкование ранее записанного — суть интерпретация. Причем тройкая: и в момент самостоятельного понимания текста толкователем, и в момент допущения толкователем понимания тех, на кого направлено его толкование, и в момент понимания слушателями толкования и толкователя.

То есть Писание к устному Слову нечто добавляет. Что же это за добавка? Речь идет о попустительстве? Об искажении Слова Божьего? Об узаконенном святотатстве? Нет, речь идет о неизбежной добавке Второй природы — природы тварной. Причем одновременно в двух пространствах — человеческом и лингвистическом. Ведь любой язык,

Возможна ли ситуация, когда пастор превратится в волка?

¹ См. книгу Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов». М., 1990.

на котором мы высказываем Откровение или фиксируем Его в письме, обладает силой самоговорения, самовыражения, а значит — интерпретации.

Поэтому любое воплощенное Слово имеет двойную природу.

Христологический догмат схватывает двойную природу не только исторического Христа-Слова — воплощенного, распятого и воскресенного, но и Слова устной традиции, и Слова Писания, и богодухновенного Слова Вселенского Собора, и Слова дальнейшей письменной традиции.

Следовательно, не нужно бояться человеческого, и с подозрительностью относиться к человеческому в самом Писании, оно там обязано быть². Это значит, Писание стопроцентно Божье и стопроцентно человеческое. И этот парадокс должен быть удержан и при кафедре, и при троне.

Образ овцы, могущей обойтись без пастора, более того, овцы, могущей стать пастором — образ революционный. Может быть не столько для духа Евангелия, сколько для средневекового сознания.

Понимая вышесказанное, Лютер, тем не менее, формулирует принцип *sola Scriptura*. И у него были на то основания.

Отдадим должное виттенбергскому монаху, сделавшему точный хирургический надрез современности: устная традиция нарушена, местами исковеркана, организм Предания загрязнен, буквально забит шлаками; Церковь коррумпирована и страдает симонией. В этой ситуации последняя надежда и опора — это Писание. Отсюда приоритет Писания перед иными формами несения Благой вести.

Образ овцы, могущей обойтись без пастора, более того, овцы, могущей стать пастором — это безусловно образ революционный³. Может быть, не столько для духа Евангелия, сколько для средневекового сознания. Образ, заквасивший Новое время, явивший человека, склоненного над книгой, человека читающего, человека думающего, человека самостоятельно трактующего Писание.

Это стало открытием Нового времени. Ведь человек, проявивший самостоятельность в отношении Писания, вторым шагом проявляет волю властителя в отношении Природы — Второй Книги Творца.

² Автору запомнилась разработка этой проблемы Алесем Дубровским, белорусским филологом и богословом.

³ Кант вообще свяжет образ глупой овцы с румяной молодостью человечества, а умение обойтись без пастыря с процессом взросления человечества.

Свободное исследование Писания стало предтечей свободного исследования Природы. Дерзкая надежда, но оправданный труд разгадать замысел Творца, двигал многими подвижниками Нового времени и ее науки.

Применить к Слову-Писанию принципы христологического догмата — выжив в Нем две природы — только часть дела. Не менее важно применить принципы догмата тринитарного. Это значит, раз всякое Слово (начальное, историческое, устное, Писания) от Бога, значит, за всяким Словом (Сыном) стоит Отец, а где Отец и Сын, там всегда и Дух. Поэтому в самом Писании есть Дух, есть все Трое как Одно. Если в Писании есть Логос и Дух, значит, Писание может трактовать само себя. Это был тезис, на котором Лютер сугубо настаивал.

В этом вопросе реформатор противостоял как католикам, так и анабаптистам⁴. Первые настаивали, что только Церковь толкует Писание, вторые — что только особые люди, на которых подчеркнуто почивает Святой Дух.

Католики обоснованно замечали: Церковь в лице апостолов и первых учеников положила устное Слово в письменное — так возникли многочисленные евангелия, деяния, послания и апокалипсисы. Несколько позже Церковь, владея сокровищницей Предания и с опорой на соборный разум, отобрала из множества книг только те, которые наиболее точно передавали Благую весть. Из них и был сформирован канон Нового завета. Почти в то же время, когда и защищен Афанасьевский символ веры. Но всякое чтение несет многомыслие, смыслы прочитанного образуют развилки. Путь много, как не заплутать? Здесь необходима навигация, традиция правильного прочтения, опыт понимания. Очевидно только у Церкви набор ключей к нужным дверям.

В свою очередь, анабаптисты не верили, что любой христианин, пусть даже великолепно обученный, находящийся на вершине церковной иерархии, будучи совершенно смиренным, может толковать Писание. Писание открывается только тем, кто уже стяжал Дух, ибо только Дух читает Слово. Человек же остается немощным, он может только прислушаться к этому священному шепоту.

Но Лютер оставил человека наедине со Словом. Для этого нужно было верующего избавить от любого посредничества. Именно поэтому «Писание толкует само себя».

А как человек обязан толковать Писание?

⁴ В те годы под ними понимались практически все представители радикальной реформации.

Только Богочеловечно⁵.

В такого рода толковании, во-первых, удерживается христологический принцип, который распространяется за пределы напечатанного Слова и начинает действовать там, где Писание толкуется и практикуется. Но как Богочеловечность удерживается при вслушивании в Писание, что предшествует всякому толкованию? И вообще, разве авторитетное толкование нужно, при Богочеловечном прочтении, когда Писание Само Себя толкует — ясно и потрясая до оснований?!

Во-вторых, появляется дополнительный метод верификации результатов толкования по процедуре: где в этом твое, где Божье и где другое, иное мнение? Ведь только так и осуществляется соборность. Это означает, что правильно построенное толкование Слова — суть продолжение таинственного процесса Боговоплощения, что оно соборно по своей организации, что это и суть Церковь.

Лютер оставил человека наедине со Словом. Для этого нужно было верующего избавить от любого посредничества. Именно поэтому «Писание толкует само себя».

Возможно, Лютер переоценил принцип самотолкования Писания? Честертон, разбирая проблематику герменевтики, отмечал: *«смысл Писания далеко не очевиден, и нередко мы должны толковать его в свете других истин...»*⁶. Но, по мнению Лютера, это вело бы к произволу. Писание само в себе имеет Дух толкования. Всякое темное место может быть понятно благодаря свету других мест Писания — *scripture scriptura interpretatur*. Ибо в Писании есть все, что нужно, ведь оно Слово о Слове, Его Словах и Его делах.

Задача поставлена: искаженная христианская традиция должна быть восстановлена на базе Писания с помощью Разума, которым Господь наделил человека. Ведь именно человек обладатель того самого Разума, который имеет природу Логоса — Того самого чрез Которого все начало быть, *«и без Него ничто не начало быть, что начало быть»* (Ин. 1:3).

Задача экзегета «отыскать дитя в соломе яслей». Как это возможно?

Путем встречи-сретения «Бога в тебе» и «Бога в Писании». Только тогда и произойдет подлинное понимание священного текста, того что не по силам самой твари любого достоинства. До этой

⁵ На проблему «Богочеловечности толкования» автору в переписке указал епископ Евгений Николин.

⁶ Гилберт Кийт Честертон. Святой Фома Аквинский. Москва, 1991.

встречи все есть сплошные проблемы понимания, вызванные то ли особенностями герменевтики, то ли психики, то ли исторической подлинности того или иного сюжета, то ли языковыми трудностями, а не редко просто тупым упрямством букволов. Но все же главное в «поиске дитя» — это удержание базовой пресуппозиции: Писание принципиально христоцентрично, а это значит, что Ветхий завет понимается через Новый, псалмы свидетельствуют о Спасителе, медный змей Моисея — о Голгофе, Соломон — о Логосе, песах в Египте — о Пасхе в Иерусалиме.

Стоит помнить, пользуясь данным экзегетическим принципом, что мы должны допустить, что так же как Ветхий завет открылся в Новом, так, видимо, и Новый откроется только со Вторым пришествием Того, Кто уже был с нами. Это допущение не дезавуирует сотерологическую мощь Писания. Но могло бы смирить тех, кто самовлюбленно уверен, что истина у них в кармане и потому они «власть имеют» над душами заблуждающихся. Не имеют.

Насколько сегодня необходимо придерживаться установленного принципа?

Вроде бы раз мы еще дальше от времени Боговоплощения и у нас еще больше проблем с Преданием, которое кальцитовыми террасами Памуккале лежит на склонах Живого Слова, значит, нам надлежит еще строже применять принцип *sola Scriptura*. Но одновременно, мы стали гораздо больше знать о каноне — как он складывался, что он отверг; благодаря археологическим открытиям нам стали доступны апокрифы и мы стали лучше понимать историю забвения текстов, с которыми работали и на которые ссылались первохристиане.

Поэтому сегодня вновь актуален вопрос: что есть *Scriptura*? И новый Лютер должен повести Церковь еще дальше к основанию Слова. Установив новые границы допустимого исследования. Предложив новую формулировку должного и возможного. И все это в контексте *непрекращающегося Боговоплощения*.

Будем помнить, что и до Лютера богословы прибегали к методологии опоры на Писание. Так Маркелл Анкирский, выдающийся соратник Афанасия *«отбрасывает пути Евсевиевых цитат из церковных авторитетов и опирается только на тексты Священного Писания»*⁷. За что ортодоксальные историки сравнивали Маркелла методологически с Лютером, ехидно замечая: *«в основе только Священное Писание, а затем сразу — я сам»*⁸. Это

⁷ А. В. Карташев. Вселенские Соборы. Париж, 1963.

⁸ Там же.

жесточайший, но далеко не всегда справедливый упрек реформаторству со стороны традиционалистов.

Применив к Писанию тринитарный догмат, Лютер отстоял суверенитет Писания и перед Традицией (значит, перед вместилищем традиции — Церковью), и перед Пророком (значит, перед духовно одаренной личностью).

Отныне всякий образованный европеец знал: Писание само себе — гарант, оно само себя трактует. В отношениях с Писанием не нужен никто. И пусть никто никогда не навязывает себя в качестве посредника, без услуг которого Писание якобы туманно и герметично. Писание достаточно просто, чтобы смыслы Его ухватил всякий. Ведь в Писании Дух благоволящий всякому, утешающий всякого и открывающийся всякому.

Лютер как бы нежно напоминал: Возлюбленный, верь, Писание заговорит с тобой, но ты открой Книгу и открой в себе ее Автора. Так просто, ибо *«иго Мое благо, и бремя Мое легко»* (Мф. 11:30).

Отныне это необходимо было крепко усвоить всем и каждому:

И потому пришел Сын, чтобы отпала необходимость в любом другом посредничестве!

И потому дано Писание, чтобы отпала необходимость в любом ином посредничестве!

И потому так важно помнить: взяв в руки Писание — ты уже не один, ибо один на один со всей Троицей!

Писание достаточно просто, чтобы смыслы Его ухватил всякий. Ведь в Писании Дух благоволящий всякому, утешающий всякого и открывающийся всякому.

Таким образом, Лютер в вопросе веры настаивал на предельном эгалитаризме. Писание может толковать любой член общины — и пекарь, и аптекарь. Это был прямой вызов концепции господства священной иерархии, утвердившейся в Церкви со времен ее огосударствления и трактатов псевдо-Дионисия Ареопагита. Провозгласив эгалитаристский принцип, Лютер тем самым заложил основание реальному воплощению евангельского принципа всеобщего священства. Каждый имеет право и возможность в любой момент как царь или первосвященник войти в Скинию Завета. То есть каждый в любой момент может открыть книгу Писания. Писание — и есть для нас Скиния. Вне Писания, вне всеобщей грамотности, вне наличия Писания в каждом доме, вне

переводов на языки народов, вне привычки сверять свои поступки со Словом — нет и всеобщего священства.

Путь к свободе был открыт. Но было бы все весьма просто, если бы было все именно так. Лютер лично убедился в плодах предоставленной человеку свободы. Германия запылала...

Почему Писание кому-то открывается, а кто-то годами безуспешно ломится в эту распахнутую дверь?

Почему Писание кого-то смиряет, а в ком-то разжигается Дух войны и противоречий?

Почему Писание кого-то преображает, кого-то смиряет, а кто-то только пуще надмевается?

Лютер дает такой ответ: Писание само себя толкует и принципиально ясно, только если вкушающий Писание ищет в нем Христа. При любом другом способе взаимоотношений — научном, познавательном, развлекательном, образовательном — текст остается непонятным, темным, будящим сомнения, опасным.

В предельном и честнейшем эгалитаризме таилась величайшая опасность: когда текст Писания может понимать и толковать каждый «пекарь и аптекарь», тогда открывается ящик пандоры ересей.

Как здесь быть? Как положить пределы интерпретации? Как привить культуру сдержанности и богобоязненности в толковании? Как институционально минимизировать угрозы всезнания и зазнайства?⁹

Есть два распространенных способа контроля.

Первый — отдать право толкования Слова спецпредставителям Церкви, остальным — запретить. Элементом такого подхода становится запрет перевода Писания на местные языки. Следствием — огромная дистанция между Писанием и народом Божьим. Известны случаи, когда некоторые испеченные доктора теологии знакомились с полным текстом Писания только после получения указанной степени.

Второй — законсервировать толкования в рамках сложившихся школ. По этому пути пошел, например, суннизм, на языке которого это звучало как требование «закрыть врата иджитхада».

Кто-то скажет, что это способы «весьма благоразумных», кто-то скажет иначе — «тех, кого поразил страх».

Ересь — отвратительна. Но страх ереси и нетерпимость к ереси — отвратительны еще более. Страх ереси может убить свободу. Но вне свободы знание о Логосе не воспроизводимо. Только будучи

⁹ Это положение дел удачно схвачено в идиоме «каждый суслик — агроном».

свободным, человек примиряется с Богом. Раб примиряется с судьбой. Судя по известной нам священной истории, в глазах Всевышнего ценен только свободный человек и его личный выбор. Человек настолько наделен свободой, что в рамках оной мог предать самого Всевышнего.

Только будучи свободным, сердце может быть кому-то предано.

Только будучи свободным, мышление самовводит границы, подчиняясь Слову, то есть облакается в Логос.

Поэтому для спасения нужна свобода. Но в свободе есть место и ереси, которая смущает народ, разрушает Церковь и разжижает ум. Эта дихотомия и есть Сцилла и Харибда всякой экзегезы.

Как быть?

Удерживаться в перекрестье понятий — сомнения и уверенности, и диалоге фигур — ближнего и дальнего (онтологически другого).

Для духовного здоровья нужно и то, и другое — и сомнение, и уверенность. Без первого нет вслушивания и умаления, без второго — движения и достижения.

И для духовной немощи необходимы две фигуры, в отношении которых любовь так трудно дается — Ближнего и онтологического Другого. Как отметил епископ Евгений Николин: *«...другими словами, нужен как Ближний — для практического служения, поддержки и своевременного одергивания, так и онтологически Другой — для усомнения, проблематизации. Вспоминается, что «истину мы познаем со всеми святыми», а не только со святыми из нашего прихода...»*¹⁰.

Вслушаемся в слова Ратцингера: *«Коренное определение человеческого удела состоит в том, что человек не может найти конечный смысл своего земного существования иначе как в непрерывном споре сомнения и веры, возражения и уверенности. И может быть, именно сомнение, предохраняющее и того, и другого от замыкания в собственном мире, могло бы стать местом их общения. Оно мешает каждому из них целиком уйти в себя. Оно влечет верующего навстречу тому, кто усомнился, сомневающегося — в объятия верующего. Для одного оно есть форма участия в судьбе неверующего, для другого — форма, в которой вера продолжает пребывать в нем, несмотря на брошенный ей вызов»*¹¹.

¹⁰ Из переписки с епископом.

¹¹ Йозеф Ратцингер. Введение в христианство (Einführung in das Christentum). Брюссель, 1988.

Вспомним теперь Лютера, которого всю его жизнь сопровождали сомнения и уверенность, что позволяло ему находиться в гуще событий, не избавляло от ошибок, но одаривало исторической ценностью.

Лютер очень любил послание к Галатам, в котором есть слова *«мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась»* (Гал. 2:5). Лютер в письме тарсянина черпал силы и не уступал давлению авторитета.

Лютер дерзил? Лютер шел против течения? Так Сам Христос шел против течения. Только таким путем и ведет человека его совесть. И только так пробуждается совесть ближнего. А когда совесть разбужена — разбужен человек. И только такой человек в состоянии совершать ценные в глазах Господа поступки. Только разбуженный выбирает. Только разбуженный понимает весь ужас и красоту формулировки SOLO. Ужас ставки в мире, в котором малодушно ценится компромисс.

Лютер шел против течения? Так Сам Христос шел против течения.

В наши дни богословская группа евангельского движения в рамках Евангельских соборов и онтологических игр¹² напряженно удерживает дискурс о необходимости онтологического Другого. Того, без которого крайне сложно самому стать Подлинным. Обсуждается проблема допущения онтологического Другого в ядро собственной онтологии и способах сохранения его там в режиме диалога.

Этот непрерывающийся диалог, конечно же, невозможен с позиции интеллектуального превосходства, а значит, он — удел подлинно сомневающих, ищущих и нуждающихся — ведь «блаженны нищие духом», нищие до последнего вздоха...

¹² Семилетний цикл игр, посвященный теме онтологии и онтологизации, прошедший в Подмоскowie под руководством П. Щедровицкого.